

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Кусатель ворон

Герда

Через сто лет

Друг-апрель

Место снов

Кошки ходят поперек

ЧЯП

Эдуард Веркин

Пролог

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В32

Оформление серии *Галина Булгакова*

Художник *Оксана Селянко*

Веркин, Эдуард Николаевич.

В32 Пролог : [повести и рассказы] / Эдуард Веркин. —
Москва : Эксмо, 2016. — 320 с. — (Эдуард Веркин. Современная проза для подростков).

ISBN 978-5-699-87584-9

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87584-9

© Веркин Э., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2016

ПРОЛОГ

Повесть

Глава 1

Август

Я помню, словно это было вчера, как, тяжело ступая, он дотащился до старой дурной сосны, оперся на нее плечом, вздохнул и сел устало на землю. У него дрожали руки, он достал из ранца удивительную мягкую бутылку и стал пить и, выпив до половины, замер, словно прислушиваясь к себе, проверяя — правильно ли расходуется по внутренностям вода? Потом втянул голову в плечи и остался сидеть, совсем как замерзшая чайка.

Я шепнул Хвосту, что путник, наверное, просто уснул, и предложил не терять времени и идти на Зыбкий Берег искать черемшу — за ней мы, собственно, тогда и отправились. Но Хвост возразил, Хвост сказал, что сейчас незнакомец, может, и уснул, но скоро он наверняка уснет вкрутую, то есть с концами.

— Вид-то у него мертвецкий. — Хвост здраво указал пальцем. — Совсем мертвецкий, не видишь разве?

После чего предложил подождать. Черемша все равно от нас никуда не убежит, а оставлять бесхозного мертвяка глупо и расточительно. Во-первых, его может найти Кошкин с братьями. Во-вторых, его может найти староста Николай, он тут часто ходит на свою смолокурку. В-третьих, волки. Уж кто-кто, а волки на мертвечинку падки, им только дай учуять — сразу прибегут. В любом случае мертвец достанется им, а не нам.

А этого допускать категорически нельзя, потому что мертвец — ресурс ценнейший. Взять хотя бы ботинки...

— Ты посмотри, какие это чудесные ботинки! Ты посмотри, какая подошва! В таких ботинках можно ходить всю жизнь! А когда ты тоже умрешь, твои наследники будут биться за них...

Не на жизнь, а на смерть. Над твоим бездыханным телом. Ботинки действительно были хороши, в Высольках таких ни у кого нет, разве что у старосты Николая, да и то он в них выходил только по праздникам, на день Огня, на Стожары, а так как все, в лаптях. Он хоть и староста, а тоже лапотник.

— А перевязь? Где ты встретишь такую перевязь? У самого заседателя нет такой перевязи! Когда он приходил в прошлом году пересчитывать людишек — он приходил в обычном ремне, как всякий, а тут...

И перевязь была хороша, что тут спорить? Но больше всего Хвосту нравился, конечно, топор. Небольшой топорик на длинной, дольше локтя, тонкой рукояти. Думаю, метательный топор, из старых, и металл тусклый, и видно, что непростой, булат или даже табан. Правда, про топор Хвост мне ничего не сказал, собирался его забрать потихоньку, чтобы делить не пришлось.

— Мне топор нравится, — сказал я. — Хороший топор.

— Топор? А, какой же это топор, это клевец, — тут же презрительно сказал Хвост, и я понял, что топор и ему тоже показался. — Бесплезный предмет, таким волка не убить. Ты лучше на ранец его погляди. Я такого и не видал никогда...

Ранец отличный. И в ранце, наверное, тоже много полезного.

Хвост тут же напомнил, что в прошлом году старик Шишкин вот так же пошел в лес, нашел мертвеца — показывать никому не стал, он же не дурак, а в сумке

у мертвеца раз — и дюжина серебряных ложек. И теперь все Шишкины едят настоящими ложками, более того, две ложки обменяли на козу, и теперь теми ложками, которые на козу не обменяли, хлебают молочный суп из молока обменной козы.

— У них сейчас сыр да шаньги, а ты как недорезанный черемшу солишь. Так всю жизнь мимо и проходишь...

Хвост тут же рассказал про своего троюродного брата, который живет в Забоеве и уже не просто так человек. Там, в Забоеве, есть такая дорога, по которой на ярмарку обозы идут, а перед мостом через Синий овраг выросла как раз прокудливая осина. И вот на той осине каждую неделю кто-то да удавится. То коробейник, то костомол, а то и торговец какой случается. Так вот брат Хвоста невдалеке там всегда сидит на лабазе и этих удавленников караулит. И уже имеет с этого свой задел, невзирая на возраст.

Убедил меня Хвост, уселись мы в кустах и подождали некоторое время.

Сначала Хвост смиренно держался, потом у меня соль стал выпрашивать. Соль ему давать опасно, он от нее как лось — дуреет. В прошлый раз вот тоже у меня соли выклянчил, я ему дал мешочек, так он щепотками начал есть, оторваться не мог. Я его, конечно, остановил, но поздно и не сразу. Неделю потом Хвост ходил опухший, без глаз совсем. Так что соли я ему не дал. Но Хвост не унимался, сломал веточку с ивы, размочалил ее и размочил во фляге, после чего уговорил меня эту веточку сунуть в соляной кисет. Соль налипла на палочку, и Хвост стал ее жевать. Свою соль всегда бережет, никогда не достает, хотя у самого на шее кисет. Жадный, как все Хвостовы. Старший брат Хвоста такой жадный, что ходит по дворам, выпрашивает рыбью чешую, варит из нее моментальный клей, а потом снова ходит по

дворам и этот самый клей продает обратно. Семейное это у них, от Высоклек до Кологрива Хвостовы самые жадные люди на свете. Вот если сказать какому-нибудь Хвостову, что в Кологриве кто-то выкинул старые прелые лапти, то он сразу побежит за этими лаптями, выпучив глаза, и про волков не вспомнит

Путник сидел под деревом недвижим и на самом деле походил на покойника. Лицо у него опять же покойнического цвета, синее и попятнело даже сбоку, да и челюсть отвалилась.

Подождали мы некоторое время, а потом Хвостов и говорит:

— Чего ждать, пойдем, уже все, остывает. Оттащим его в овраг. Куртку разденем и разыграем, остальное поделим, а самого закопаем по-человечески, он нам еще спасибо скажет.

— Как это?

— Просто. Его скоро волки начнут глодать, растащат по костям, и непонятно где что валяться станет, а так хорошо ему будет лежать, культурно, в одном месте. Я как раз свежий выворотень знаю. Давай, полезли.

— Полезли...

Но лезть никуда мы не спешили, потому что не могли разобрать, кому лезть первым. Некоторое время мы выясняли это обстоятельство, однако совсем не выяснили и полезли вместе.

Незнакомец все сидел у сосны, приложившись к ней затылком и совсем не двигаясь, так что по его телу и даже по лицу уже успели проложить дорогу черные муравьи.

— Говорю же, усоп давно, — сказал Хвостов. — Ты бери за правую ногу, я за левую — и потащим, верное дело...

Я сомневался, что получится утащить. Покойники все тяжелеют, особенно такие вот старые. Пока живой,

все скачет, а как помрет, так и не сдвинуть. Да и мы с Хвостом не силачи.

Приближались мы к мертвецу медленно, это и понятно. Про мертвецов слухи разные ходили нехорошие, и давно уже ходили. Поговаривали, что пошаливать стали мертвецы, безобразничать. Вон, в Ворожеве завелся такой, у них овса два клена посеяли, так этот мертвец все и выкатал. Как стемнеет, так он идет в поле, на бок ляжет — и туда-сюда катается, то кругами, то восьмеркой, овес не ест, только портит.

А то еще привязываются в окна смотреть. Приходят ночью или чаще под утро и смотрят, смотрят. А от этого сны совсем печальные снятся. Ладно бы к своим приходили, а то к кому попало лезут. Этот тоже будет бродить, если не закопать его хорошенько. А лучше и правда его под корень заделать, так надежнее.

Заходили на мертвеца справа, чтобы быстро убежать. Когда мы к нему уже почти совсем приблизились, он пошевелил ногой.

Я сразу развернулся, но Хвост зашептал, что это такие конвульсии, жизнь еще не совсем его покинула. Но когда мертвец открыл глаза, я уже понял, что это совсем не конвульсии. Мертвец оказался немножечко живым.

Хвост тут же побежал, а я околел. Вдруг такой страх навалился, что не бежалось совсем.

Мертвец почувствовал муравьев на щеке, смахнул их, обругал природу-матушку, а потом меня заметил.

Он был в очках. Только не в увеличительных, как, например, у старосты Николая, а в зеленых, чтобы солнце глаза не натирало.

— Ты что, солевар? — спросил вдруг путник.

Я сначала удивился, но сразу понял, что ничего удивительного тут нет — солевара легко опознать по съеденным ногтям и просоленному лицу. Но слишком уж

он быстро меня узнал, только посмотрел и сразу сделал правильные выводы.

Тут мне в голову прилетела шишка, запущенная Хвостовым, я очнулся и побежал, и Хвост тоже побежал, а остановились мы только на берегу реки у мостика.

— Ты что, не понял, кто это был? — спросил Хвост, дыша.

— А что тут понимать? Бродяга. Игольник, наверное. А может, пуговичник. Или точильщик. Идет в Кологрив на ярмарку, вот и все.

Хвост только рассмеялся.

— Пуговичник... — усмехнулся он. — Точильщик. Еще скажи фуфлыжник.

— Может, и фуфлыжник, кто его разберет?

На фуфлыжника незнакомец, кстати, вполне походил. Скоро в Кологриве осенняя ярмарка, фуфлыжники ярмарки любят, собираются со всех сторон. Некоторые на самом деле фуфлыги пекут, а обычно так просто послоняться собираются.

— А пузырек? — спросил Хвост. — Разве ты не увидел у него на шее пузырек?

Я пузырек совсем не заметил. Вернее, заметил, но подумал, что это не пузырек, а волкобой. Запасной волкобой. Один за пояс заткнут, а другой на шее болтается. Волкобой часто в волках застревают, и тут надо ловко ножом застрявший срезать и на рукоять запасной намотать.

— Но это не пузырек, — прошептал Хвостов, — это...

Хвост огляделся, проверяя — нет ли тут поблизости кого ненужного.

— Это чернильница, — сообщил Хвостов.

— Чернильница? — не понял я. — Зачем пуговичнику чернильница?

— Так это не пуговичник вовсе, — еле слышно сказал Хвостов. — Это грамотей!

Грамотей.

— Точно говорю — грамотей, — повторил Хвост. — На шее чернильница. Глаза красные, как у кровопийцы. Костыль...

— А костыль-то при чем? — не понял я.

— Грамотеи всю жизнь за столом сидят, — объяснил он. — От этого ноги искривляются — вот они и с костылями. Грамотей-грамотей, точно говорю. Носитель культуры.

— Что?

— Что-что, носитель. Культура, знаешь, что такое? — сказал Хвост с превосходством.

Его отец несколько раз был в Кологриве, так что мне тут спорить нечего было, в культуре Хвост наверняка разбирался лучше моего.

— Культура — это дело, — сказал Хвост. — Помнишь, гусельник приходил? Как забряцает на гусях, так все бабы ревут, как белухи. Во тебе культура! А грамотей гусельника куда как завиднее.

— Ладно, грамотей так грамотей, — согласился я. — Хотя и зачем нам грамотей?

— Как зачем, понятно же! Ты вспомни, как позапрошлым летом было? Как время овес убирать — так сразу и дождь. Овес и пожух. Все лето овес спеет-спеет, а потом дождь, как это?

Я вспомнил. Правда ведь, по делу говорит Хвост, в позапрошлом году дождь не останавливался. Все в склизь размокло, овес и пожух, и погнил, а тот, что не сгнил, медведи съели.

— И в прошлом году хлябалось, — напомнил Хвост. — Еще сильнее. Как пошло лить, так только с морозами и остановилось. Ни толокна, ни отрубей. А?

— Мало ли погода какая? — сказал я. — Такое вот невезенье... В других местах тоже погода шалит. Может, ведьма...

— Какая еще ведьма? Ведьмы там, далеко, на болотах, чего ей у нас делать?

Я не знал. Но погода плохая. Дожди. И овес да, гниет.

— Николай уже давно хотел грамотея вызвать, — сообщил Хвост. — А грамотей как пропишет — так и будет, все знают. Только мало их осталось совсем, отец говорит, что он только одного и видел за всю жизнь, когда в Кологриве был. Это ведьма в каждой берлоге сидит, а грамотей на дороге нечасто валяется.

Про грамотеев я, конечно, слышал. Были раньше такие, умели не только читать, но и писать. И не просто писать, а вроде как даже *прописывать*. И ходили эти грамотеи по миру, по дорогам и местечкам, по большим селам, по заимкам разным, а если кому надо было что прописать — то и прописывали. Кому удачу в охоте, кому грибы чтобы подземные искались, кому пчел в правильную сторону надоумить, мало ли? Но потом как-то извелись, грамотеи в смысле. Не совсем под корень, но стало их немного, так что люди уже и сомневались даже — есть ли они вовсе.

Я тоже сомневался.

— Грамотей-грамотей, — заверил Хвост. — Брат мне говорил, что грамотей через неделю придет, а он уже, оказывается, здесь.

— А что в деревню не идет?

— Не знаю. Присматривается.

— Это как?

— Мертвым прикинулся, сидит, смотрит, как тут дела. Ладно, пусть сидит, пойдем черемшу собирать.

И мы отправились собирать черемшу на Зыбкий Берег.

Вернулись в деревню уже совсем к вечеру. Хвост побежал к себе, а я к себе, на край. Черемши набрал много, пестер с верхом, а пестер с меня самого ростом, еле дотащил.

Матушка обрадовалась, поздняя черемша тоже не каждый ведь год случается, а тут столько, и тут же стала черемшу разбирать, листья в одну корзину, стебли в бочку. Листья потом в хлеб можно, а стебли простоят всю зиму, и если совсем голодно будет, то черемша выручит. Конечно, зиму доходить на черемше — дело невеселое и худое, но лучше на черемше, чем на лебеде, это всем известно.

Я хотел попить чаю, но матушка велела мне готовить тузлук, чтобы засолить черемшу, пока она не подвяла. Готовить соляной раствор я не люблю, как и вообще возиться с солью. Потому что я на самом деле солевар, я собираю солевой раствор, жарю его на сковороде, соль собираю в мешок, тащу домой, размалываю в мельнице. А тузлук это обратно — готовую соль разбавлять водой, причем непременно холодной, солят ведь только холодной, что груздь, что черемшу, это только в Забоеве солят горячей водой, так они там все ненормальные. Получается солевая бесконечность какая-то, но черемшу надо на самом деле солить.

Стал готовить тузлук. Соль в воде не хотела наступаться, и мне пришлось долго ворочать черпаком, устраивая в кадке вьюны и волны.

На суету с печи показался Тошан. День жаркий был, к вечеру в избе разогрелось, а Тошану все равно холодно, в валенках, в проеденной цигейке, животом урчит, глазом сверкает, как увидел черемшу, так и потянулся, слюной обливаясь. И урчать стал громче, точно не урчал, а разговаривал. Ну, мать его быстро по рукам стукнула, нельзя ему черемшу есть сырую, надо запарить, засолить, а то последние кишки завернутся. Тошан заплакал и полез обратно на печь, а там стал плакать уже громче и жалобней, как только он умел, а чтобы сильнее пробирало, скрипел гвоздем по старому изразцу, отчего получались удивительные звуки.